

Гутова Ляна Адамовна

ОБЫЧАЙ АТАЛЫЧЕСТВА: ОБРЯД И ФОЛЬКЛОР

В статье впервые на адыгском материале рассматривается роль вербального компонента в традиционной системе аталычества - воспитания ребенка в чужой семье. У адыгов представители высшего сословия отдавали своих детей в семьи опытных наездников, где ребенок мог обучиться и военному делу, и тонкому этикету, и искусствам, в том числе риторике, музыке, поэзии. Цель исследования - установить основные этапы эволюции явления и проследить процесс секуляризации поэтических текстов, в результате чего в них становится доминирующей эстетическая функция.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 1. С. 20-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

В статье впервые на адыгском материале рассматривается роль вербального компонента в традиционной системе аталычества – воспитания ребенка в чужой семье. У адыгов представители высшего сословия отдавали своих детей в семьи опытных наездников, где ребенок мог обучиться и военному делу, и тонкому этикету, и искусствам, в том числе риторике, музыке, поэзии. Цель исследования – установить основные этапы эволюции явления и проследить процесс секуляризации поэтических текстов, в результате чего в них становится доминирующей эстетическая функция.

Ключевые слова и фразы: аталык; отец-воспитатель; мать-воспитательница; кан; джегуако-песнетворец.

Гутова Ляна Адамовна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований

Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик

adam.gut@mail.ru

ОБЫЧАЙ АТАЛЫЧЕСТВА: ОБРЯД И ФОЛЬКЛОР

Термином «аталычество» обозначается обычай воспитания ребенка вне родного дома, в чужой семье. Он был широко распространен в княжеско-дворянской среде, хотя отмечаются случаи, когда люди простого звания, но с достаточным состоянием тоже отдавали своих детей в другие семьи. Ребенка также могли отдать на воспитание и представителям соседних народов. По сведениям адыгского этнографа С. Хан-Гирея, «необходимостью существования аталычества было сближение и покровительство сильнейших и слабых слоев населения. Поэтому князья, для увеличения своей силы искали все возможные средства, чтобы привязать к себе дворян, а эти, для всегдашней защиты и вспомоществования себе во всех случаях, желали более сблизиться с князьями» [9, с. 279]. Согласно исследованиям Я. С. Смирновой, «аталыческие связи завязывались между всеми соседними народами, особенно частым было воспитание детей кабардинских князей и дворян в семьях балкарской, карачаевской, осетинской, адыго-черкесской знати, а иногда богатых крестьян. Одновременно существовал и обратный порядок, когда эта знать посылала своих детей в кабардинские семьи учиться здесь тонкостям этикета» [8, с. 103]. Несколько иную трактовку находим у С. Х. Мафедзева: «Воспитание ребенка убитого отца его убийцей “за кровь” имело место в адыгэ хабзэ. Возвращение такого воспитанника в 15-16 лет освобождало его воспитателя от кровной мести» [6, с. 133]. Из приведенных суждений явствует, что данный институт был далеко не однозначным.

«Аталык» в переводе с тюркского языка – «заменяющий отца»: «ата» (*отец*), аффикс «-лык»; здесь это *лицо, заменяющее кого-то из родственников*. У народов Кавказа аталык заменяет своему воспитаннику отца не только на протяжении того периода, когда ребенок находится в его доме, но зачастую и на протяжении всей жизни. Помимо терминов «аталык» и других иноязычных понятий адыги называли воспитателей и воспитанников по-своему: «быф адэ» (*приемный отец*) или «быф анэ» (*приемная мать*), или «быфыкьуэ (быфыпхьу) адэ» (букв. *отец-воспитатель*), «быфыкьуэ (быфыпхьу) анэ» (*мать-воспитательница*), «быфыкьуэ» (*воспитуемый сын*, букв. *воспитанник-сын*), «быфыпхьу» (*воспитуемая дочь (воспитанница-дочь)*). К времени первых научных фиксаций у адыгов был распространен термин «кьан» (с тюркского – «кровь»). Но нельзя увязывать данный термин только с платой за кровь убитого. В адыгской среде «кьан – *воспитанник* – это, чаще всего, ребенок из привилегированной семьи, отданный на воспитание лицу не столь знатному, но во всех отношениях внушающему родителям доверие» [4, с. 126]. Помимо того, слово «кьан» в адыгском языке может иметь гамму значений – *объект сакрального поклонения, объект особого ухода, любимец и пр.* [Там же].

Наличие терминов тюркского происхождения может быть свидетельством того, что обычай аталычества зародился и бытовал не только среди адыгов и других народов Кавказа. Любопытно в связи с этим суждение М. О. Косвена: «Порядок отдачи детей на воспитание, совершенно аналогичный кавказскому аталычеству, совпадающий даже в деталях, мы находим в прошлом скандинавских народов, в частности в Исландии, а равно у древнего населения Англии – кельтов Ирландии и Уэльса и гойделов Шотландии. В английской литературе этот порядок получил название fosterage (от foster “воспитание”)» [5, с. 114]. Это подтверждает В. К. Гарданов: «Кавказскому аталычеству близка отдача детей на воспитание в чужую семью у ряда кельтских, германских, славянских, тюркских и монгольских народов» [3, с. 10-11].

Отметим, что, прежде чем обрести свое место в системе отношений феодальной аристократии, обычай аталычества претерпел разного рода трансформации, что проясняется В. К. Гардановым при установлении причин его возникновения. Он связывает первый этап аталычества с авункулатом, когда младенец отдавался на воспитание в материнский род и воспитывался дядей по матери. Следующий этап – передача ребенка в любую другую семью, но уже не в материнскую, что свидетельствует о внедрении патриархальных порядков в обществе. Третий этап – переход от патриархально-родового общества к классовому.

В феодальном обществе дети отдавались на воспитание соответственно социальной иерархии: «Дети князей воспитывались у дворян первой степени, дети дворян первой степени – у дворян второй степени и т.д. Только детей дворян самых низших степеней можно было отдавать на воспитание в семьи простых крестьян. Причем на воспитание отдавались как мальчики, так и девочки. И только в XIX веке князья и первостепенные дворяне продолжали отдавать в обязательном порядке как мальчиков, так и девочек; остальные категории феодалов воспитывали девочек уже большей частью в своей семье» [Там же, с. 5-6].

Обретением воспитанника аталык удостаивался чести родства с лицом, вышестоящим по иерархической лестнице, получал его защиту и покровительство. Поэтому задолго до пополнения в знатной семье появлялось много претендентов на роль воспитателя. Избранный аталык прибывал в дом сюзерена заранее, до рождения младенца, и ждал его появления на свет. Как пишет Ш. Б. Ногмов: «Дети князей или владельцев отдавались тотчас после рождения уорку или дворянину, который за месяц добивался этой чести» [7, с. 69]. То же читаем и в труде С. Хан-Гирея «Записки о Черкесии»: «...по рождении младенца, немедленно отдают его на воспитание в чужие руки, т.е. в руки человека, избранного дядьки» [9, с. 278].

Аталык проводил торжество по случаю рождения ребенка в доме, где тот родился (обряды подвязывания красного сыра и первого укладывания в колыбель). После этого воспитатель забирал новорожденного к себе. Все детские обряды в последующем проводились в доме аталыка, который заменял ребенку отца, а его супруга – мать. Зачастую аталык приглашал специального человека – джегуако-песнетворца, которому заказывал колыбельную песню для новорожденного.

Помимо обязательных, традиционных обрядов, проводимых в честь ребенка, аталык устраивал обряд «Пургъэлыгъуэ» – *показ воспитанника*. Это торжество приурочивалось к годовалому возрасту малыша. Одним из важных элементов мероприятия было первое бритье головы ребенка (такие волосы адыги называли «дзыгъуэ шхъэц» – *мышинные волосы*).

Бреющий голову произносил благопожелание-*хох*, адресованное малышу, и только после этого приступал к действию. Окончив бритье, он поздравлял ребенка краткой формулой: «Бэрэупе!» (*Много раз <пусть> будет брит!*), – под чем подразумевалось пожелание малышу здоровья и долголетия.

Обычно только после того, как сбритые волосы воспитанника отдавались приемной матери, малыша могли показать гостям. Аталык, держа на руках ребенка, входил в кунацкую и подносил его к каждому из присутствующих по очереди, а те, глядя малыша по голове, произносили в его честь благопожелания и делали подарки. Устойчивых формул, специально приуроченных к данному ритуалу, нам не удалось обнаружить ни в архивных материалах, ни в опубликованных текстах, ни в наших полевых разысканиях. Судя по всему, формулы эти были те же, что и в пожеланиях неприуроченного характера, и поэтому отдельной группы не составили. Как правило, мальчиков одаривали оружием и другими наездническими аксессуарами, домашним скотом (теленки или баран, конь). Девочкам дарили женские принадлежности – элементы национального костюма (нагрудники, пояса, подвески) или предметы женского рукоделия. На этом торжестве джегуако-певцы и песнетворцы исполняли традиционные песни и сочиняли новые.

Аталык не щадил ни времени, ни сил и средств для достойного воспитания приемного сына. Он обязан был дать ему такое же достойное и даже более изысканное воспитание, нежели родным детям. Воспитатель прилагал все усилия, «чтобы его воспитанник был ловок, учтив в обращении со старшими, а с младшими соблюдал приличие своего звания, равно как, неутомим в верховой езде и искусен в употреблении оружия. Аталыки ездят с ними в отдаленные племена, чтобы приобрести вновь вступающему на стезю наездничества друзей и знакомых» [Там же, с. 279].

Воспитатель приобщал своего кана и к общественной жизни – правилам общения, красноречию, игре на музыкальных инструментах, пению героических песен, правилам обхождения со старшими и женщинами. Всё это в совокупности составляло кодекс поведения человека благородного происхождения. К сожалению, исследователей менее всего интересовала система воспитания применительно к непривилегированным членам общества.

Относительно воспитания девочек сведений гораздо меньше. С. Хан-Гирей пишет: «Девочка... воспитывается под попечением жены аталыка, или приемной матери. Она обучается там рукоделиям, приличному обхождению, словом, всему, что необходимо для будущей ее жизни в супружестве. Приемная мать ездит с нею на празднества, сопровождаемые танцами, и под ее надзором она там проводит время в танцах» [Там же, с. 280].

Воспитание, полученное в семье аталыка, принципиально не должно было отличаться от того, что ребенок мог бы получить в родной семье, но, будучи в чужой по крови среде, человек с детства приучался к суровым условиям, а дальновидный и признанный за свои достоинства воспитатель умело вел его к гармоническому вступлению в традиционное общество в полном соответствии с социальным статусом воспитуемого, согласно чему он был призван стать воином-наездником. Таким образом, на воспитателе лежала огромная доля ответственности за все, что его подопечный проявлял впоследствии во взрослой жизни.

Суровость отношений и сила воли, проявляемая иногда в экстремальной ситуации, нашли отражение в фольклоре. Так, например, в цикле из песни и предания о Каирбеке повествуется, что юноша, еще будучи в доме своего аталыка, прославился своими доблестями, и враги, обеспокоенные появлением столь опасного для них воина, хитростью сумели нанести ему смертельное ранение в бедро. Несмотря на это, герой нашел в себе силы отразить нападение, но после этого слег в постель. Поскольку неизбежность кончины была налицо, сторона аталыка решила известить родного отца героя, чтобы тот хотя бы в этот единственный раз увидел своего сына. Узнав о грядущей встрече, юноша посчитал недостойным встретить отца лежа в постели и велел перекинуть ремень через поперечную балку, продел его у себя подмышками и приветствовал вошедшего стоя [1, н. 189-190].

Когда молодой человек достигал определенного возраста (15-16 лет), наступала пора его возвращения в родную по крови семью. Это сопровождалось довольно пышными ритуалами. По свидетельству Ш. Б. Ногмова, с этим связывались разнообразнейшие церемонии [7, с. 69]: семидневное пиршество с играми, забавами, плясками, рассказыванием преданий, пением песен, по преимуществу величальных, героических.

Момент ввода воспитанника в родительский дом сопровождался песнопениями. Один из вариантов таких песен хранится в рукописном архиве института гуманитарных исследований, где воспевается внешний вид

воспитанника. Его сравнивают с золотым шестом: *уи адэ узыхэжым ури дыщэ пкьош* (для отца, от которого уходишь ты, подобен золотому <опорному> шесту). Отмечается также его благовоспитанность: *псы жызыгэм дыжыныбжьэр ирет* (если кто воды просит, тому напиток в серебряном сосуде подает); *...зи дае хуэцхэр ирыбогэкьу, ирикьугьэхэр зи уэркь хабзэ* (...восполняешь то, что аталык преподнес, <он> тот, кто сполна овладел дворянским этикетом).

Воспитанник, вернувшийся в дом родного отца, не прерывал связи с аталыком и его родней. У адыгов аталычество устанавливало связь воспитанника не только с семьей аталыка, но и со всем селением или со всей родственной группой, к которой та семья принадлежала, причем все члены этой группы считали себя аталыками данного воспитанника [5, с. 109].

Несмотря на то, что аталык не обделял своего приемного сына, все же он старался вырастить его в более жестких условиях, нежели это сделал бы родной отец. Дети в семье приемных родителей вырастали менее изнеженными, вместе с некоторой отстраненностью от настоящих родителей в них вырабатывались стойкость, суровость, выносливость. Однако аталыческое воспитание имело и свои негативные стороны. По этому поводу Хан-Гирей пишет: «Легко себе представить, что таким образом унесенный под чужой кров младенец, не умеющий различать еще предметы, придя в юношеские лета, лишь по слуху узнает своих родителей, братьев, сестер, к которым естественным образом, не всегда может питать нежную любовь; отчужденный от дому родителей, он привыкает к тем людям, которые об нем имеют ежеминутное попечение, их в душе своей почитает своими родителями, а их детей нередко любит нежнее своих родных братьев и сестер» [9, с. 278]. Надо заметить, что и сам автор этих слов был воспитан вначале в доме аталыка, а затем – в качестве аманата в России. Происходила некая отчужденность воспитанника от родной семьи, что приводило порою и к парадоксам. Так, исследователи отмечают случаи, когда при возникновении конфликта аталыка с отцом воспитанника последний принимал сторону не родного отца, а воспитателя [8, с. 79].

Песня и поэтические импровизации были важной частью обрядов, связанных с аталычеством. Первоначально их доминирующей функцией была магическая, но, как всякий словесный текст в обряде и ритуале, слово изначально организовывалось по законам искусства. Со временем эстетический компонент возрастал, нередко обретал самостоятельное значение и мог функционировать вне обряда как полноправное явление словесного искусства.

Приложение

Пурышиэж орэд /Къан ишиэж уэрэд/

(Къаныр и унэ цаишэжым деж жалэ уэрэди)

Фыкьедэгу си нэхунэм сыхуэусэнуци
 Емыпэс /хуэмыфашэ/ сэ жызывмыгыгэ.
 Фыхэр хужысгэнц, тхэм кыдигьэху
 И нэхуеифхэр иугьэкуэд.
 Дунейм тетым нэхунэр я лейш,
 Езыгэлейми уи пкьыпэ хэкиш,
 Уи адэ узыхэжым ури дыщэ пкьош,
 Уи гушыгэхэр гьуэмылэ пальэш
 Дыщэплым и фыри зи гьэщхэщыгу тель,
 Гьэщыгу тельыр ещри щхэгьым щегьэлыагу.
 Уи щхэ зымылыагьухэр гьуанэм кыхудоппл.
 Дэнэхум ифхэр зи куэщырыпхуэ,
 Дыщэхыр тепхуауэ нэхунэр шысш.
 Зи шысхэр афэ джэдыгу,
 Зи шытхэр пындыгу джан
 Хьэщгэ кыхьэмэ гуащэ шысыр йопсалэ,
 Псы жызыгэм дыжыныбжьэр ирет,
 Пщантгэм джкым щыгьунибгьур дыщлогьэгьу.
 Зи дае хуэцхэр ирыбогэкьу.
 Ирикьугьэхэр зи уэркь хабзэ [2]. /

Песня в честь воспитанника

(исполняют при первом вводе воспитанника в дом его родителей)

Слушайте, своему ясноликому я слагать буду,
 Не позволяйте мне говорить того, что он не заслуживает,
 Хорошее скажу, пусть Бог его наградит,
 Пусть хороших повадок много у него будет.
 Нет на свете лучше ясноликого,
 Если преувеличиваю, да не отразится это на здоровье твоём,
 Для отца, от которого уходишь, ты – золотой шест,
 Шутки твои подобны дорожной пище (имеется в виду к месту и необходимы. – Л. Г.),
 У кого на рукавах пуговицы из лучшего червонного золота,

Взмахом рук показывая светской знати нарукавные пуговицы,
 Те, кто не может видеть тебя, через щель смотрят,
 Чьи колени покрыты лучшими шелками,
 Покрытый золотой вуалью светлоликий сидит,
 Кто сидит рядом <тот> в кольчужных шубах,
 Кто стоит <тот> в шелковых рубахах,
 Если в гости пойдет, хозяйка с ним говорит,
 Если кто воды просит, тому напиток в серебряном сосуде подает,
 Тот, кто за пределы двора выходит, тому <даешь возможность> девять краев света обойти,
 Восполняешь то, что аталык преподнес,
 Тот, кто дворянский обычай почитает.

Список источников

1. Адыгэ уэрэдыжхэр / зыгъэхъэз. З. П. КъардэнгъушI. Налшык: Эльбрус, 1979. 224 н.
2. Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (Архив ИГИ КБНЦ РАН). Папка 10. Паспорт 33.
3. Гарданов В. К. Аталычество // IX международный конгресс антропологических и этнографических наук (сентябрь 1973 г., Чикаго): доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. 22 с.
4. Готов А. М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 219 с.
5. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Наука, 1961. 258 с.
6. Мафедзев С. Х. Адыгэ хабзэ // Адыги. Обычаи. Традиции. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 352 с.
7. Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
8. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983. 263 с.
9. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. 334 с.

CUSTOM OF FOSTERAGE: RITE AND FOLKLORE

Gutova Lyana Adamovna, Ph. D. in Philology

*Humanities Research Institute of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
 adam.gut@mail.ru*

In the article the role of the verbal component in the traditional system of fosterage, the upbringing of a child in another's family, is considered for the first time by the Adyghe material. In the Adyghe society the representatives of the upper class gave their children to the families of experienced riders, where the child could learn both military affairs, subtle etiquette, as well as arts, including rhetoric, music, poetry. The aim of the research is to trace the main stages of the evolution of the phenomenon and the process of secularization of poetic texts, as a result of which the aesthetic function becomes dominant in them.

Key words and phrases: foster-parent; father-educator; mother-educator; foster-child; dzheguako-songwriter.

УДК 8; 821.161.1

В статье раскрывается связь поколений в произведениях русских писателей конца XX века. Автор анализирует в произведении А. Проханова образы отца и сына в сравнении с образами «сыновей» в произведениях А. Битова и Ю. Нагибина и приходит к выводу, что только герой А. Проханова по-настоящему любит и уважает своих родителей. Писатель показывает именно связь поколений, а не отдаленность их друг от друга, как это происходит у названных авторов. При анализе героев автор статьи исходит из понимания личности, сформированной христианской верой.

Ключевые слова и фразы: отец; сын; связь поколений; А. Проханов; А. Битов; Ю. Нагибин.

Евдокимова Марина Петровна, к. филол. н.

*Армавирский государственный педагогический университет
 evdokimova.m.p@mail.ru*

СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА XX ВЕКА

Роман А. Проханова «Рисунки баталиста» – это долгие размышления над увиденным и прочувствованным писателем в Афганистане. В центре романа – художник Веретенев, направляющийся в Афганистан по заданию редакции сделать серию военных рисунков. Это не просто поездка художника в «горячую точку» планеты, но и отца к сыну, проходящему там срочную службу.

Веретенев разведен и имеет взрослого сына, в жизни которого он присутствовал лишь в его раннем детстве, затем удалился от него, все больше ощущая себя художником. Сын тянулся к отцу, который был исключительно занят поездками, выставками, «любовями и друзьями». Веретенев осознает только сейчас, что